

Почему интеллектуальному классу России нужна своя партия

В.В. Лапаева

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Академии правосудия.

Набирающая обороты глобализация ставит Россию перед выбором: либо она займет достойное место в формирующемся едином мировом пространстве, либо окончательно превратится в ресурсный придаток развитых стран. Наш шанс вскочить в “последний вагон” локомотива цивилизации XXI в. зависит от того, сумеет ли Россия в короткий срок переориентировать свое хозяйство и от эксплуатации природных ресурсов и научно-технических достижений прошлого перейти к инновационному развитию, основанному на эффективном использовании результатов интеллектуального труда.

В то время когда развитые страны активно строят постиндустриальную экономику, получая прирост валового продукта за счет наукоемких технологий, в России происходит снижение ранее высоких научных и образовательных стандартов. Правда, власть демонстрирует известную озабоченность положением науки и образования в стране, но в целом позиция властных институтов настолько внутренне несогласованна, что делает вполне уместной аналогию из области медицины, где подобное состояние характеризуется как “раздвоенность сознания” [Ваганов 2000: 97]. Наибольшее же несоответствие наблюдается между целями государственной политики в данной сфере и предлагаемым ресурсным обеспечением.

Позиция главы государства по поводу национальной политики в области науки наиболее полно отражена в “Основах политики РФ в области развития науки и технологий” (далее — “Основы”), где развитие науки отнесено к числу “высших приоритетов российского государства”. Согласно данному документу, главной целью государственной научно-технической политики является переход страны на инновационный путь развития. Более того, из общего контекста документа следует, что речь идет о научно-инновационном развитии, ориентированном на опережающий рост наукоемкого производства. Однако ни в этом документе, ни в каком-либо другом не предусмотрено надлежащее ресурсное обеспечение заявленной стратегии.

Как свидетельствует опыт развитых стран, для значительного прироста национального валового продукта за счет наукоемких технологий требуется тратить на науку не менее 2-3% ВВП [Юревич, Цапенко 2001: 7]. У нас же эта цифра составляет чуть более 1% [Сафаралиев и др. 2002: 190]. И это при том, что по показателю ВВП на душу населения Россия отстает от США в 5 раз, от Японии — в 4 раза, от Германии и ряда других западноевропейских стран — в 3,5 раза [Львов 2002: 4]. Казалось бы, провозглашение в документе, подписанном главой государства, установки на научно-инновационное развитие должно означать кардинальное изменение общего курса государственной научно-технической политики и в первую очередь — существенное увеличение средств, выделяемых на науку. Но, как указано в приложении к “Основам”, финансирование научных исследований и экспериментальных разработок гражданского назначения [\[1\]](#) предполагается довести до заложенных в п.1 ст.15 федерального закона “О науке” 4% расходной части федерального бюджета только к 2010 г. [\[2\]](#) Между тем, когда в 1996 г. принимался указанный закон, законодатель установил в нем цифру в 4% (которые ни разу так и не были выделены), имея в виду лишь создание нормальных условий для функционирования государственного научного комплекса, а вовсе не экстраординарные усилия науки по обеспечению в короткие сроки кардинальной структурной перестройки экономики.

Если же, как следует из “Основ”, “переход к инновационному пути развития на основе избранных приоритетов” (п.7) будет осуществляться за счет мобилизации внутренних резервов науки и концентрации их на некоторых так наз. приоритетных направлениях, это приведет к непродуманному, волюнтаристскому сокращению национального научного комплекса. Понятно, что в обозримой перспективе речь может идти лишь о весьма субъективно отобранных “приоритетах”, поскольку методология такого отбора предполагает существенные финансовые затраты и не менее чем двухгодичный цикл обсуждений и экспертиз

[Государственные приоритеты 2001: 84-85]. Не решит проблему финансового обеспечения научно-инновационной политики и предлагаемое в “Основах” “расширение масштабов перехода на конкурсной основе к адресному финансированию научных исследований и экспериментальных разработок, осуществляемых государственными научными учреждениями” (подпункт 7 п.17). При заданных тем же документом рамках бюджетного финансирования конкурсное распределение средств фактически повлечет за собой ликвидацию или замораживание ряда исследовательских проектов, не получивших финансовой поддержки. Иными словами, стремление добиться успеха на отдельных направлениях обернется подрывом сложившейся системы научных исследований со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Государственное финансирование лишь некоторых научных направлений по сути равнозначно выталкиванию оставшихся в сферу рынка, что на деле приведет к “распродаже по дешевке” результатов интеллектуальной деятельности нескольких поколений российских ученых. Ведь до сих пор отсутствует надлежащая законодательная база, регулирующая правовой статус науки и ученых как участников рыночного оборота, правовые способы реализации интеллектуальной собственности и механизмы ее защиты, и т.п. Поэтому есть все основания опасаться, что отечественную науку “перекупят самые богатые, которые постараются сделать и на нее свою монополию. Внутри страны это означает постепенный переход науки, по крайней мере прикладной, на сторону олигархов, финансовых спекулянтов и дельцов теневой экономики. В глобальном масштабе — переход на сторону самого богатого в мире заказчика — заокеанского” [Панарин 2002: 224]. И если сегодня страна не платит своим ученым, то вскоре ей придется платить чужим, но совсем по другим расценкам. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что возможности рыночного использования результатов научного труда в наиболее доходных сферах ограничены действующим законодательством о государственной тайне, нарушение которого карается очень строго. Тем, кто так настойчиво направляет науку на зыбкую тропу бизнеса, неплохо было бы вспомнить знаковое “дело Поупа”.

Государственная поддержка науки в условиях рынка — это отнюдь не благотворительность, а форма расчета с учеными за использование их интеллектуальной собственности. Однако когда встает вопрос о финансировании науки, Минфин считает возможным объяснять свою скарденность “недостаточной рыночной активностью науки”. Вот как описывает ситуацию первый заместитель министра промышленности, науки и технологий А.Фурсенко: “Мы приходим в Минфин и просим: дайте деньги на инновации. Реакция: ‘Вам уже несколько раз давали. Где результаты? Проели?’ Или мы просим снизить налоги на инновационную деятельность. Но, как известно, множество примеров, что в итоге льготы получит кто угодно, только не наука... Нам говорят: ‘Вот вы постоянно ссылаетесь на опыт Запада. Но покажите, что отечественная наука способна не проедать, а зарабатывать деньги’” [Вложить рубль 2002].

У чиновников, причастных к финансированию научной сферы, сложился стереотип отношения к науке как к социальному иждивенцу. Между тем весь современный мир создан наукой. Научные знания лежат в основе эффективного производства и управления. Мировой опыт свидетельствует, что вложения в науку — самые прибыльные инвестиции. Но так обстоит дело там, где государством при поддержке институтов гражданского общества созданы необходимые социально-экономические, правовые, организационные и т.п. условия для функционирования науки и внедрения ее результатов в жизнь. Умение их обеспечить превращается ныне в один из главных показателей “профпригодности” самой власти. Если же власть, не создав нормальных условий для развития науки и, в частности, для ее рыночного функционирования, ждет от нее прибыли, то тем самым она расписывается не только в неспособности решать общегосударственные задачи, но и в непонимании этих задач. А значит, общество вправе ставить вопрос о том, насколько такая власть ему нужна.

Аналогичная картина складывается и в области образования. Весьма показательна в этом плане работа над “Национальной доктриной образования” (утверждена постановлением Правительства РФ от 4.10.2000). Первоначальный вариант Доктрины, в разработке которого приняли участие представители законодательной и исполнительной ветвей власти, профсоюзы, научное и образовательное сообщества в лице Российской академии образования, Российского союза ректоров и т.д., был представлен на Всероссийском совещании работников образования в январе 2000 г. Документ получил полную поддержку и в феврале того же года был в основном одобрен на заседании правительства РФ под председательством В.В.Путина. Однако вышедшее через семь месяцев постановление правительства принципиально отличалось от одобренного проекта. Доктрина была утверждена в редакции, “из которой фактически исключены важнейшие ее конкретные положения по финансированию системы образования, пенсионному обеспечению и социальной поддержке учащихся, студентов и преподавателей” [Стратегия 2002: 83]. Между тем совершенно ясно, что

без надлежащего финансового обеспечения попытки сколько-нибудь серьезно реформировать (или, как сейчас говорят, модернизировать) систему образования обречены на провал.

Возьмем, к примеру, такую болезненную для общества проблему, как репетиторство, ставшее практически обязательным условием преодоления порога между школой и вузом. По оценкам социологов, затраты семей на репетиторов в настоящее время достигают 1,5 млрд. долл. в год, что сопоставимо с годовым бюджетом всей высшей школы. При этом лишь “25–30% российских семей располагают сейчас ресурсами для софинансирования образования... Семьи залезают в долги, отказывают себе в одежде, в медицинских услугах, не отдыхают, только чтобы дать образование своим детям” [Стратегия 2002: 101].

Для искоренения уродливых форм репетиторства и сокращения его масштабов предлагается ввести единый государственный экзамен (ЕГЭ). По мнению сторонников данной меры, введение ЕГЭ позволит уйти от системы репетиторства при поступлении в вуз и ликвидировать теневой рынок образовательных услуг. Но сможет ли без этих дополнительных средств сложившаяся система высшей школы функционировать хотя бы на нынешнем уровне? Ведь это те деньги, которые государство недоплачивает сейчас вузовским преподавателям.

К тому же родители, заинтересованные в том, чтобы их дети получили хорошее образование, найдут другие способы “поддержать” сферу образования материально. Не исключено, что в результате подобной модернизации образования совокупные расходы общества на эти цели не только не уменьшатся, но и возрастут, ибо уже сами предлагаемые нововведения потребуют дополнительных средств. Очевидно, что до тех пор, пока государство не обеспечит школьным учителям и вузовским преподавателям достойную оплату труда, оно будет провоцировать разрастание теневого рынка образовательных услуг и (что более опасно) подрывать основы воспитательного процесса, который базируется на уважении к педагогу.

Вхождение российской науки и образования в рынок — это не превращение ученых и преподавателей в торговцев знаниями, а оплата государством их труда в соответствии с рыночной стоимостью. Источником средств для этого должна стать научная составляющая той налогооблагаемой базы, из которой формируется государственный бюджет. Реализация подобного подхода возможна лишь в рамках новой социально-экономической стратегии государства, необходимость которой уже очевидна многим. О ней говорит и угрожающая динамика депопуляции, наблюдаемая в России в течение последних десяти лет [Львов 2002: 6-9]. Не столь очевидным, но от этого не менее опасным фактором является и усиливающаяся тенденция к деградации российской науки, чреватая подрывом всех сфер жизнедеятельности общества — от подачи тепла и света в дома до обеспечения безопасности страны, предотвращения техногенных и социальных катастроф.

* * *

В условиях, когда правящая бюрократия демонстрирует неспособность быть выразителем общенациональных интересов, представителям научного сообщества и преподавательского корпуса следует осознать, что будучи самой образованной, наиболее приобщенной к ценностям культуры частью современного общества, они должны взять на себя ответственность за выработку и претворение в жизнь новой стратегии социально-экономического развития страны. Чтобы научное и преподавательское сообщество смогло выступить в качестве серьезной политической силы, ученые и преподаватели должны осознать себя не просто как особую профессиональную корпорацию (хотя и это неплохо), но как самостоятельный социальный класс. Для этого сложились, как кажется, все необходимые объективные основания. Ведь в постиндустриальном мире могущество и безопасность страны определяются уровнем ее научного и технологического развития, а научное знание стало главной производительной силой. Это означает, что носители такого знания (прежде всего работники науки и образования) составляют особый социальный класс. Он является сегодня не только самым продуктивным, но и самым эксплуатируемым классом общества. Даже хорошо обеспеченные (по нашим меркам) интеллектуалы Запада — это, по сути, те же пролетарии умственного труда, чьи творческие порывы бизнес использует как доходный товар. Поэтому лозунг “Пролетарии умственного труда, соединяйтесь!” [Лапаева 2001] актуален не только для нашей страны. Что же касается нынешней России, то здесь эксплуатация интеллектуального класса приобрела невиданный размах. Работники науки и образования, высококвалифицированный труд которых создает основные материальные и духовные богатства страны, оказались в роли социальных иждивенцев, вынужденных выпрашивать у государства средства для существования.

Чтобы выйти из унижительного положения вечных просителей, представители этого социального класса, находящегося на передовых рубежах научного прогресса, должны осознать свое единство, выступить в качестве социально-политической силы, умеющей выражать коллективную волю и отстаивать общие интересы. При этом важно объяснить обществу, что в современных условиях, когда развитие науки и высоких технологий является главным фактором, определяющим “динамику экономического роста, уровень конкурентоспособности государств в мировом сообществе, степень обеспечения их национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику” [3], интересы интеллектуального класса имеют общезначимый характер и отражают объективную потребность в модернизации экономических, политических, социальных отношений в постсоветской России.

Сложилась уникальная ситуация, когда интересы передового класса совпадают с перспективными и общезначимыми интересами массовых слоев. Важно и то, что у представителей этого класса имеются кадровые, организационные, а главное — духовные и интеллектуальные ресурсы, необходимые для лидерства в общенациональном масштабе. Есть сообщество людей, понимающих огромное значение образования и науки (это, конечно, еще не идейно-политическое согласие, но его предпосылка). Есть разветвленная сеть научных и учебных институтов с налаженной системой сотрудничества между ними. Есть влияние на образованную молодежь, связи с наукоемким бизнесом. Наконец, есть уверенность в том, что сохранение и развитие отечественной науки и образования отвечают интересам всего общества. Есть умение объяснить людям, что в российском обществе, деморализованном квазиреформаторским прожектерством и коммунистической демагогией, интеллектуальный класс — самый компетентный, ответственный и заслуживающий политического доверия субъект социального действия.

Творческий и духовный потенциал научного сообщества эксплуатировали и продолжают эксплуатировать различные политические и экономические группировки. Настало время консолидации политической воли интеллектуального класса в интересах как науки и образования, так и общества в целом. Циничному использованию политики в качестве “искусства возможного для себя” интеллектуальный класс способен противопоставить политику как искусство достижения объективно необходимого для общего блага.

Если вспомнить Гегеля и Маркса, чьи идеи звучат весьма актуально в современной России, то можно сказать, что интеллектуальному классу предстоит трансформироваться из “класса в себе”, т.е. пассивного объекта эксплуатации, в “класс для себя”, выступающий активным субъектом социально-политического действия. А для этого прежде всего нужна партия, выражающая политическую волю интеллектуального класса и поддерживающих его общественных сил и нацеленная на последовательную реализацию этой воли в законодательстве, во внутренней и внешней политике государства.

Почему это должна быть именно партия (а не, к примеру, общественная организация)? Да потому, что сегодня самостоятельная политическая партия — единственный канал влияния на власть и участия во власти, который можно создать своими силами, не рассчитывая на помощь и покровительство со стороны чиновников и даже вопреки их противодействию. Лишь постоянное участие в работе высшего представительного органа страны, опора на широкие общественные силы и зависящих от них законодателей дадут возможность интеллектуальному классу стать равноправным партнером в диалоге с исполнительной властью. Поэтому ему нужна партия, которая участвовала бы в предстоящих парламентских выборах как по партийным спискам, так и в одномандатных округах [4].

При разработке программы такой партии должны быть, на мой взгляд, приняты во внимание следующие концептуальные положения.

1. В системе общественных отношений главной задачей на данном этапе является преодоление нефеодалного сращивания власти и собственности. Нынешние феодально-корпоративные порядки стали результатом номенклатурной приватизации, в ходе которой доступ к собственности получили лишь те, кто сумел воспользоваться поддержкой правящей бюрократии. В итоге была создана тепличная среда “для государственно-бюрократического, криминально окрашенного корпоративизма, олицетворяющего... корыстные устремления политических кланов, ‘теневиков’ и чиновников, связанных с мафиозными группами” [Красин 2003: 130]. Таким образом, исторически необходимое преодоление коммунистического тоталитаризма обернулось бюрократически организованным и во многом криминально осуществленным захватом наиболее “лакомых” кусков прежней госсобственности. Квазифеодальная природа образовавшегося в результате приватизации симбиоза власти и собственности уродует как экономические отношения, так и их политико-правовые формы.

Эту проблему невозможно решить только борьбой с коррупцией, обновлением и совершенствованием государственного аппарата в рамках административной реформы, усилением государственного и общественного контроля за сферой экономики и т.п. Нужна качественно новая стратегия реформ, ориентированная на реальное разделение власти и собственности.

2. Без изменения отношений собственности невозможно справиться с нынешней стагнацией экономики, проявляющейся в преимущественно паразитарных формах использования национальных ресурсов и достижений прошлого (включая накопленный потенциал науки и образования) при отсутствии заметных усилий по их воспроизводству и развитию. Несправедливость и экономическая неэффективность избранной модели приватизации и обусловленная этим очевидная нелегитимность складывающихся порядков создают в обществе атмосферу социальной нестабильности и апатии, лишая людей стимулов к труду, провоцируют незаконный вывоз капиталов из страны, криминализируют всю систему социально-экономических отношений.

Сегодня на повестке дня остро стоит проблема выработки и реализации такой концепции совершенствования отношений собственности, которая гарантировала бы каждому члену общества долю в общенациональном достоянии [5]. Только в этом случае появится шанс на достижение общественного согласия, уменьшение беспрецедентного социального разрыва между богатыми и бедными, формирование устойчивого среднего класса и в конечном итоге — эффективное развитие экономики.

3. Отношения между наукой (как сферой производства научной продукции), с одной стороны, и государством и обществом (как пользователями этой продукции) — с другой, необходимо привести в соответствие с постсоциалистическими реалиями. Государство считает, что ученые и педагоги обязаны обеспечивать развитие науки и образования в стране и при этом сами зарабатывать себе на жизнь — путем “вхождения в рынок”. Подобная позиция — не только не государственная, но даже и не рыночная — представляется губительной для всех. В условиях современной маркетизации государство должно стать универсальным заказчиком и покупателем результатов интеллектуального труда, за который следует расплачиваться по рыночным ценам. Средства для этого в стране есть — нужна лишь политическая воля для проведения такой экономической стратегии, в рамках которой наука и образование получают достойное ресурсное обеспечение.

4. Осуществляя курс на инновационное развитие экономики, важно исходить из того, что главным участником данного процесса является наука. Поэтому ее интересы требуют первоочередного внимания. При этом науку следует рассматривать в единстве ее фундаментальной и прикладной составляющих. Это означает, что государственную политику надо выстраивать таким образом, чтобы плодами участия прикладной науки в инновациях могла бы воспользоваться наука фундаментальная. Успехи прикладной науки в инновационных процессах должны стать фактором развития материально-технической базы, кадрового потенциала и информационной инфраструктуры фундаментальной науки. В противном случае будут утрачены стратегические перспективы инновационного развития страны.

Наивно думать, что у России накоплен значительный запас не внедренных в производство результатов интеллектуальной деятельности. Современные инновационные процессы немыслимы без постоянного поиска. А чтобы получить новое научное знание, нужно иметь фундаментальную науку, свободную от диктата рынка. Ведь фундаментальная наука — это, по сути, свободный творческий поиск нового знания, не ограниченный рамками утилитарных, сиюминутных потребностей. Как сказано в рекомендациях ЮНЕСКО по международной стандартизации статистики науки и техники (так наз. “Руководство Фраскати”), под фундаментальной наукой следует понимать “экспериментальные или теоретические исследования, направленные на получение новых знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний” (курсив мой. — В.Л.) [Терминология 2002: 22].

В конечном итоге речь идет о выработке такой государственной научно-технической политики, которая создала бы условия для согласования стимулов инновационной деятельности отечественных производителей, коммерческой активности научных организаций и научных работников с задачами обеспечения общегосударственных интересов, связанных с сохранением и развитием фундаментальной науки.

5. Необходимо переломить нарастающую тенденцию к отчуждению общества от государства. Усиление государственной власти не должно идти за счет ослабления общества. Усиление власти — это прежде всего

укрепление доверия к ней со стороны общества, расширение ее социальной поддержки, увеличение прозрачности, развитие правовой базы, рационализация всей правительственной деятельности на основе научного подхода к процессу принятия решений и воплощения их в жизнь. От бюрократических манипуляций, нацеленных на внедрение методов так наз. “управляемой демократии”, надо, наконец, перейти к работе по укреплению правовых начал общественно-политической жизни. Вместо деклараций о поддержке гражданского общества и возведения потемкинских деревень в виде разного рода “гражданских форумов” следует направить государственные усилия и средства на реальную законодательную, организационную, материальную помощь процессам формирования гражданского общества. Вместо искусственного ограничения числа политических организаций и выстраивания “политического центра”, не имеющего ни социальной базы, ни жизнеспособной идеологии, необходимо стимулировать появление новых партий, способных реально содействовать преодолению социального раскола в стране.

6. В сфере государственного управления важно изменить технологию принятия решений, существенно усилив значение их научной составляющей. При этом речь должна идти не о повышении роли формируемого самими административными структурами “экспертного сообщества”, представители которого придают властным решениям видимость научной легитимации и попутно “осваивают” (совместно с чиновниками) отпускаемые на науку бюджетные средства. Необходимо закрепить за наукой как социальным институтом функции публичного контроля за действиями властей. Это предполагает включение в технологию государственного управления механизмов независимой научной экспертизы, осуществляемой крупными научно-исследовательскими центрами, авторитет которых признан в научном сообществе. Реализация такого подхода потребует выработки организационно-правовых форм участия науки в экспертизе проектов государственных решений, определения нормативного статуса учреждений и отдельных специалистов, имеющих право осуществлять такую экспертизу, а также подготовленных ими заключений.

7. Содействие распространению в обществе рационального научного мировоззрения является одной из важнейших политических и культурных задач сегодняшнего дня. Объединяющий людей гуманистический потенциал такого мировоззрения — идеологическая основа противодействия социально-политическому, национальному и религиозному сепаратизму и экстремизму, которые раскалывают Россию и подрывают ее целостность.

* * *

Проблема политической самоидентификации интеллектуального класса актуальна не только для современной России, где деградация науки и образования приобретает все более угрожающие размеры. Интеллектуалам Запада в последние годы жизнь дает все больше поводов для осознания как хрупкости мира, основанного на высоких технологиях, так и своей отстраненности от механизма принятия властных решений. Навязываемая рынком идеология потребительства и утилитаризма грозит политическими, социальными, техногенными и экологическими катастрофами. Мир, которым правят деньги, поставившие знание себе на службу, не готов ответить на вызов современности. Все больше людей начинают понимать, что необходимо не просто повысить интеллектуальный и нравственный уровень правящей элиты, но и сменить сам тип элиты и коренным образом обновить концепцию политики. Древняя мудрость, согласно которой править миром должны знающие, получает в XXI в. новое звучание. И давняя мечта человечества о “философе на троне” уже в обозримой перспективе может обрести реальность в лице формирующегося интеллектуального класса.

Ваганов А. 2002. Наука в академическом отпуске. — В России что-то происходит. М.

Вложить рубль, чтобы получить пять. Интервью с первым заместителем министра промышленности, науки и технологий А.Фурсенко. 2002. — Российская газета, 26.11.

Государственные приоритеты в науке и образовании. 2001. М.

Красин Ю.А. 2003. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. Полис, № 1.

Лапаева В.В. 2001. Пролетарии умственного труда, соединяйтесь. Нужна партия в защиту российской науки. — Независимая газета, 1.02.

Львов Д. 2002а. Концепция управления национальным имуществом. М.

Нерсесянц В.С. 2001. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.

Панарин А. 2002. Искушение глобализмом. М.

Российская газета. 2002.

Сафаралиев Г.К. и др. 2002. О государственном регулировании инновационной деятельности в Российской Федерации. М.

Стратегия развития образования: основные направления. Краткий комментарий. 2002. М.

Терминология. 2002. — Отечественные записки, № 7.

Юревич А.В., Цапенко И.П. 2001. Нужны ли России ученые. М.

---

[1] Имеются в виду средства, проходящие по разделу бюджетной классификации 06 “Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу”, а также по разделу 24 “Исследование и использование космического пространства”.

[2] В 2003 г. ассигнования на гражданскую науку составляют всего 2,02% бюджетных расходов.

[3] Именно так охарактеризовали значение этого фактора участники состоявшегося 30 марта 2002 г. расширенного заседания Совета Безопасности РФ.

[4] Эту роль, как мне кажется, может сыграть “Союз людей за образование, науку”, учредительный съезд которого состоялся 16 ноября 2002 г. Его краткую программу см. Российская газета 17.12.2002.

[5] О возможных подходах к решению этой проблемы см. Нерсесянц 2001; Львов 2002.